

ПОИСК РЕНТЫ КАК ГЛАВНЫЙ МОТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Процесс накопления и институционализации крупного капитала в большинстве постсоветских государств характеризуется всевозможными злоупотреблениями властью. Начало формирования крупного капитала в Украине связано с процессом приватизации и развитием частного сектора. В 1992 году в государственном секторе производилось 70% ВВП Украины, на него приходилось 82,9% среднегодовой численности работников и служащих. В частном секторе производилось всего 5,6% ВВП [1, с. 7].

Передача государственной собственности в частные руки, в соответствии с неоклассическими рецептами реформирования, должна была способствовать формированию эффективного собственника, то есть такого, в интересах которого будет проведение реструктуризации, обновление и инновационное развитие предприятия. Приватизация считалась панацеей при переходе к рыночной экономике. Милтон Фридман писал: «Вскоре после падения Берлинской стены и развала Советского Союза меня часто спрашивали: что нужно сделать, чтобы получить рыночную экономику? И я отвечал: вы можете описать это в трех словах: приватизация, приватизация и еще раз приватизация. Россия осуществила приватизацию, но так, что были созданы по сути частные монополии, частные системы централизованного планирования государства. И оказалось, что верховенство закона, наверное, — более фундаментальная ценность, чем приватизация. Приватизация бессмысленна, если у вас нет власти закона» [цит. по 2, с. 181].

Высказывание Фридмана совершенно справедливо и для Украины. Достаточно высокие показатели приватизации, характерные для украинской экономики уже в 1996 году (так, индекс приватизации малых предприятий ЕБРР в 1996 г. достиг значения 3, что означало реализацию практически полной программы приватизации [2, с. 406]) не отразились на деловой активности и масштабах производства. До 2000 г. для экономики Украины были характерны отрицательные темпы роста реального ВВП.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей формирования крупного капитала в Украине, выявление рентной составляющей механизма мотивации экономических субъектов как главной причины неэффективного распределения доходов.

Приватизация как основа перехода к рыночной экономике осуществлялась в период глубоких общественных преобразований. Рыночные реформы проводились на фоне формирования новой независимой державы и глубокого экономического кризиса. Несвоевременные и непоследовательные реформы политического и экономического характера привели к образованию «вакуума» экономической и политической власти, который проявился, с одной стороны, в слабости ограничений неэффективного экономического поведения, а с другой, — в отсутствии механизма защиты действующих хозяйствующих субъектов от бюрократического и криминального произвола.

Отсутствие механизма ограничения неэффективного поведения экономических агентов привело к формированию рентоориентированной экономики. Собственники и трудовые коллективы получили возможность извлекать своеобразную трансформационную ренту, которая превышала потенциальные доходы от эффективной инвестиционной, трудовой, реорганизационной деятельности. Чиновники местного и государственного значения, на которых была возложена миссия осуществления приватизации, в свою очередь, получили возможность извлекать политическую ренту в виде взяток и объектов государственной собственности по необоснованно низким ценам. В 2000 г. Украина была названа наиболее коррумпированным государством среди стран бывшего СССР и третьей по уровню коррупции в мире (после Югославии и Нигерии) [3, с. 53].

Как пишет В. Будкин, «особенностью российской и украинской моделей приватизации были ее целенаправленная «открытость» для узкого круга приближенных к власти лиц, а также прямое вмешательство в распределение собственности всей вертикали бюрократического аппарата...» [4, с. 43]. И. Малый, характеризуя результаты приватизации, подчеркивает: «В условиях командной системы приватизация приобрела исключительно распределительный характер, превратившись в присвоение государственной собственности финансовой олигархией. Такая «частная собственность» никогда не воспитает собственника, хозяина, рационального и бережного человека» [5, с. 63].

В условиях отсутствия контроля над деятельностью предпринимателей и государственных чиновни-

ков из-за несовершенства или даже отсутствия соответствующих нормативных актов, а также действующих механизмов их реализации появляется необходимость в формировании противовеса — уравновешивающего источника власти, которым становится насилие (криминальная власть). К середине 90-х гг., когда стала очевидной потеря государственным аппаратом монополии насилия, налогообложения и охраны правопорядка, появляются альтернативные конкурирующие институты, основанные на неподконтрольных государству источниках насилия. Здесь, по словам В. Волкова, «речь идет не только о многочисленных преступных группировках, но и о различных полуавтономных вооруженных формированиях, начиная от службы президентской охраны, ведомственных и региональных спецподразделений и кончая многочисленными связанными с ними охранными предприятиями» [6, с. 56].

Формирующуюся в постсоветской экономике модель экономического поведения предпринимателей А. Олейник называет «бизнесом по понятиям». Он пишет: «Неэффективность усилий государства по институционализации насилия в экономической сфере обуславливает поиск субъектами российского рынка субститутов государства. В качестве таких субститутов, то есть регулирующих насилие институтов, рассматриваются криминальная «крыша», собственные службы безопасности фирм и использование государственных силовых органов для защиты интересов фирмы на коммерческих основаниях (государственная «крыша»)» [7, с. 21].

Таким образом, для периода становления рыночных отношений в большинстве постсоветских стран характерна несбалансированность властных позиций, проявляющаяся, с одной стороны, — в недостаточной власти (контроле) государства над экономическими процессами (возможности ограничивать неэффективное поведение хозяйствующих субъектов и защищать эффективное), и, с другой стороны, в избытке власти частных экономических, политических, криминальных агентов. Такую несбалансированную систему власти над поведением экономических агентов, характерную для переходных экономик, В. Деметьев назвал «провалами» власти [8, с. 311].

Причиной возникновения «провалов» власти является несовпадение во времени разрушения институтов власти, присущих социалистической экономике, и формирования институтов контроля над экономическим поведением, свойственных рыночной системе хозяйствования. Отсутствие общественно необходимого порядка власти проявляется, как указывает В. Деметьев [8, с. 312 — 316], в следующих формах:

— «недостаток» эффективной власти, то есть

власти, способной ограничивать неэффективное экономическое поведение и защищать эффективное. Здесь речь идет о защите прав собственности, прав потребителей, о возможности осуществлять контроль над деятельностью топменеджмента (собственниками предприятий), правительства (избирателями), чиновников на местах (центральными органами управления);

— «избыток» власти частных экономических, политических и криминальных агентов, который возникает из-за слабых ограничений на неэффективное поведение. Проявляется этот избыток в несоответствии властных возможностей частных экономических и государственных агентов и их ответственностью за использование экономических и административных ресурсов власти;

— деинституционализация власти и потеря контроля над распределением экономической власти в обществе. В условиях неразвитости политических и экономических институтов власти и эффективных механизмов принуждения к их соблюдению потенциал власти агентов определяется не формальным экономическим или правовым статусом агента, а его доступом к незаконным источникам влияния на экономическую среду. Ключевое значение приобретают такие ресурсы власти, как насилие (криминалитет), коррупция, мошенничество и обман. Об этом свидетельствует история формирования крупного капитала в Украине, первый этап которой определяется как стадия теневого существования. Авторы «Формирования крупного капитала в Украине» [1] характеризуют ее следующим образом: «Установление контроля над предприятиями региона [речь идет о формировании региональных ФПП] сначала осуществлялось способами преимущественно теневого характера: различные полуправовые финансовые схемы, которые порождали кредитную зависимость; проведение замещения менеджеров своими представителями; доведение до банкротства и покупка предприятий по заниженной цене. Нередкими были случаи установления контроля над менеджментом государственных предприятий и использование силовых методов. Неотъемлемой чертой частных бизнес-групп, <...> была коррупционная связь с региональной властью» [1, с. 15];

— «сдвиг» власти, который подразумевает перемещение источников власти от информации (как это характерно для развитых экономик, по Тоффлеру и Гэлбрейту) к богатству и далее к насилию. Потенциальный статус силы, то есть демонстрация ее наличия без активного применения (расходования), превращается в активный политический и экономический ресурс [6, с. 45];

— «неустойчивость» власти. Поскольку перераспределение носило неформальный характер, легитим-

ного закрепления властные позиции действующих экономических агентов не получили. В таких условиях ни один из участников хозяйственной жизни не может быть уверен в сохранности своих собственности, должности, доходов, имущества и т. п. Такая неуверенность порождает ориентацию на краткосрочные интересы агентов при использовании своей власти, то есть получение максимальных выгод от своего положения и в максимально сжатые сроки;

— тенденция к самосохранению и воспроизводству неэффективной системы властных отношений. Отсутствие общественно необходимого порядка власти, подразумевающего возможность ограничения избыточной частной власти отдельных агентов, позволяет им получать сверхдоходы в ликвидной форме, что еще больше усиливает их властные позиции. Это приводит к закреплению сложившегося неэффективного порядка власти.

Все перечисленные «провалы» власти привели к тому, что в переходной экономике Украины важнейшим условием получения сверхдоходов и контроля над собственностью стал избыток власти частных агентов, а главным экономическим мотивом стал захват и/или перераспределение ресурсов власти. Эффективная предпринимательская деятельность, направленная на повышение конкурентоспособности предприятия, стала невыгодной и отошла на второй план. Борьба разворачивается за источники экономической власти. Выражаясь словами Дж. Бьюкенена, «поиск прибыли» (*profit seeking*) вытесняется «поиском ренты» (*rent seeking*) [9, с. 219], или, терминологией Г. Таллока, основателя теории поиска ренты, предприниматели с поиска «хорошей» ренты переключаются на поиск «плохой» ренты [10, с. 51].

По определению Бьюкенена, «рента есть часть оплаты владельцу ресурсов сверх той, которую бы он получил при любом другом альтернативном использовании» [11, с. 2]. Исследователи данной проблематики (например, О.Носова [12], В. Волощенко, Н.Литвиненко [13], И.Булеев, В.Коновалюк [14]) выделяют различные виды ренты: земельная (природная) рента, монопольная рента, рента за использование специализированных знаний и навыков, политическая рента, бюрократическая рента, трансформационная рента, рента инноватора (шумпетерианская), рента менеджера (в современной экономике Украины и ряда других постсоветских государств часто принимает форму «отката»).

Принципиальным источником возникновения любой ренты является какое-либо преимущество экономического (политического, бюрократического) субъекта, а любое преимущество порождает власть. Фактически рента является доходом на власть. Однако принципиальное отличие ренты от других фактор-

ных доходов состоит в том, что ее источник — власть — может выступать и как фактор производства, и как фактор распределения. В том случае, если использование преимуществ субъекта власти позволяет увеличить общий продукт и, таким образом, оказывает положительное влияние на результат производства, власть выступает в роли фактора производства наряду с предпринимательскими способностями, трудом или капитальными средствами производства. В качестве примера такого влияния власти на создание продукта можно привести внедрение инноваций на различных этапах создания продукта, основой которых могут быть как научно-технические совершенствования производства, так и повышение уровня квалификации персонала предприятия (инвестиции в человеческий капитал). Использование такой власти оправдано, поскольку увеличивает общественное благосостояние, а доход, который такая власть создает, является «хорошей» рентой. В неоклассическом анализе такой доход хорошо известен как «экономическая прибыль», которую предприятия-инноваторы, действующие в конкурентной среде, могут получать лишь в краткосрочном периоде.

Если же использование власти направлено не на создание, а исключительно на перераспределение продукта, то власть становится не фактором производства, а фактором распределения. Такое влияние власти является преимущественно негативным явлением, ведь увеличение доли субъекта власти в созданном продукте непременно связано с одновременным сокращением долей контрагентов, что снижает их стимулы к эффективному использованию своих факторов производства, а в конечном итоге, к уменьшению самой величины производимого блага. Кроме того, занижение вознаграждений на факторы производства (выплаты реальным участникам производства, а не распределения), может привести к нарушению процесса воспроизводства этих факторов. Типичным примером такого явления представляется низкий уровень оплаты труда в Украине и соответствующее снижение воспроизводственной функции заработной платы.

Преобладание поиска «плохой» ренты стало характерной чертой переходной экономики ряда постсоветских стран [9, с. 222]. Исследователи данной проблематики называют ряд характерных причин рентной ориентации общества. Среди них называют приватизацию, ставшую, по словам Ролана, «уникальной исторической возможностью присвоения ренты» [цит. по 9, с. 222], возможность получения государственных трансфертов в финансовой сфере [15, с. 84 — 87], «незавершенность реформ... [при которой] поиск ренты выступает как преобладающая бизнес-стратегия» [16, с. 16], «отсутствие развитой рыночной

среды и сохранение старой властной элиты в стране» [17, с. 7], отсутствие контроля над предпринимательской деятельностью.

В современной теории ренты выделяют такие общие направления поиска «плохой» ренты, как лицензирование внешнеэкономической деятельности, государственное регулирование естественных монополий, протекционистская политика по отношению к определенным отраслям, спекуляции на разнице между внутренними и мировыми ценами, манипуляции с бюджетом, государственные контракты. Помимо перечисленных способов извлечения ренты, где отношения по поводу ее присвоения складываются между государством определенными группами особых интересов, В. Волошенко и Н. Литвиненко выделяют такие достаточно известные в отечественной практике хозяйствования явления, как «рэклет» и «откат», который «получают менеджеры отдела поставок крупных сетевых компаний за закупку продукции у конкретного поставщика» [13, с. 99]. И хотя авторы связывают эти два незаконных метода обогащения только с деятельностью хозяйствующих субъектов, то есть без участия государства, следует отметить, что явление «отката» пришло в экономическую практику именно из государственной, или вернее, муниципальной среды. Заключение подрядных договоров местными чиновниками на создание или поддержание муниципальной инфраструктуры ориентировано на фирмы, предлагающие лицу, принимающему решение, больший «откат», либо на предприятие, которое каким-то образом связано с данным представителем местной власти (чиновник фактически является его реальным собственником или таковыми являются его ближайшие родственники). Данная практика широко распространена в Украине и коснулась даже высших эшелонов власти. Примером тому могут быть громкие скандалы летом 2009 г. вокруг обеспечения армии продуктами питания, топливом. По оценкам, откаты в этой сфере составляют от 30% до 70% [18]. СМИ периодически привлекает внимание общественности к злоупотреблениям в сфере госзакупок фармацевтических препаратов и медицинского оборудования [19].

В переходной экономике Украины наиболее эффективными стали такие способы присвоения ренты, как трейдерская деятельность (продажа энергоресурсов, в первую очередь, импортированного газа), банковская сфера (осуществление спекулятивных операций в условиях гиперинфляции), приватизация госимущества. Главным же источником формирования крупного капитала, как это ни парадоксально, стал сектор черной металлургии. Объясняется это тем, что именно в металлургическом секторе была сосредоточена экспортная деятельность. Таким образом, дан-

ный сектор сыграл при первоначальном накоплении капитала в Украине ту же роль, что и топливно-энергетический комплекс в России.

Парадоксальность же ситуации заключается в том, что «источником возникновения и роста нового капитала стал сектор, который в техническом и экономическом плане был одним из наиболее отсталых в мире, и международные экономические организации требовали от украинского правительства его кардинального сокращения» [1, с. 13]. Износ производственных мощностей в секторе черной металлургии к середине 90-х оценивался как критический — 60%, в сталеплавильном производстве даже 70%. Наиболее устаревшим мартеновским способом производства стали в Украине в 2008 г. произведено 41,2% [20], тогда как в мире этим способом уже в 2003 г. производилось около 3% стали [1, с. 47]. Энергоемкость отечественного металлургического производства на 25 — 30% выше, чем в развитых странах, материалоемкость — на 5 — 7% выше. Производительность труда в рассматриваемом секторе еще в советское время значительно отставала от ведущих государств, а за годы экономического кризиса 90-х гг. данный показатель еще более ухудшился и составил 71,6% от уровня 1990 г. Сегодня в расчете на одного работника в Украине производится 174 тонны, что составляет 29% от показателя стран ЕС [1, с. 58]. Такие показатели отражают техническую и технологическую отсталость отрасли.

О роли металлургии в становлении украинского частного капитала свидетельствует отраслевая характеристика финансово-промышленных групп. Деятельность первой пятерки украинских бизнес-групп (SCM, ИСД, Приват, Интерпайп и ММК им. Ильича) так или иначе связана с металлургическим (горно-металлургическим, коксохимическим) производством [17, с. 10 — 12]. В данном секторе также представлены такие группы второго эшелона, как «Донецксталь», «Запорожсталь», ЗАО «АРС» [17, с. 12].

Специалисты называют ряд причин, по которым именно сектор черной металлургии стал локомотивом украинской экономики. Это наличие производственных мощностей, которые превышали потребности внутреннего рынка в продуктах черной металлургии, стратегическая обеспеченность собственным сырьем, достаточная энергетическая и транспортная база, развитая научно-техническая инфраструктура, растущий спрос на мировом рынке [1, с. 50 — 56]. Однако за этими положительными факторами также стоит и ряд негативных, связанных с поиском способов быстрого и легкого обогащения, возможности для которого также существовали в металлургическом секторе. Такими факторами стали разница между внутренними и международными ценами на ресурсы и готовую про-

дукцию, а также большие лоббистские возможности формирующихся финансово-промышленных групп.

Немаловажную роль в повышении конкурентоспособности сыграл низкий уровень оплаты труда, сложившийся в целом в экономике Украины, и в секторе металлургии, и ее сырьевых придатках в частности. Заработная плата в украинском секторе черной металлургии в 3,5 — 4,9 раза меньше, чем на аналогичных предприятиях России, Польши, Турции, и более чем в 30 раз отличается от уровня оплаты труда в развитых странах (при этом разрыв в производительности труда составляет меньше 4 раз) [1, с. 66].

Кроме того, следует отметить низкую инвестиционную активность на металлургических и связанных с ними предприятиях. Теневые схемы захвата контроля над предприятиями (финансовая зависимость, контроль сбыта, силовые методы), приватизация «на заказ» по низким ценам позволили формирующимся бизнес-группам с относительно низкими финансовыми затратами получить контроль над огромными производственными мощностями сектора. Действующие в Украине нормы амортизации, по экспертным оценкам, в 2,5 раза ниже, чем в развитых странах [1, с. 67], что не позволило амортизационным отчислениям стать инвестиционным источником развития предприятий.

В целом только за счет использования дешевых материальных и трудовых ресурсов, а также низкой нормы амортизации, экспорт продукции черной металлургии принес отечественному бизнесу в 2003 г. 2,2 млрд. долларов [1, с. 67]. При этом при расчетах не учитывались затраты на охрану труда и защиту окружающей среды, которые в Украине остаются минимальными.

Другим источником получения ренты, оценить масштабы которой невозможно, являются махинации в сфере ценообразования на экспортную продукцию и связанные с этим возможности для ухода от уплаты налогов, а также система возмещения НДС [1, с. 69 — 71].

Возможность извлечения «плохой» ренты, наряду с краткосрочностью интересов собственников, обусловили низкую инвестиционную активность финансово-промышленных групп, которая до недавнего времени сводилась к минимальному ремонту наиболее критических элементов в технологической цепочке. Олигархический капитал по своей сути был и остается «антиинноватором», как его называли российские эксперты в Докладе Совета по Национальной Стратегии «Государство и олигархия» [цит. по 17, с. 18]. В Украине продолжают доминировать отсталые способы производства и разлики стали. В 2008 г. инновационной деятельностью занималось лишь 13% предприятий, в 4 — 5 раз меньше, чем в развитых странах [21, с. 2]. За период 1990 — 2008 гг. наукоемкость ВВП в Украи-

не сократилась практически в три раза и составила 1% [22, с. 28]. На практике реализуется менее 1% зарегистрированных объектов интеллектуальной деятельности (в Финляндии, например, 30%). В Украине доход от продажи лицензий в расчете на одного человека составляет около 1 долл. в год (в России — 10 долл., в США — более 150 долл.) [23, с. 34].

Именно мотивационный механизм, а не нехватка ресурсов, как зачастую представляется, являются тормозом инновационного развития. «Расходы предприятий на научно-исследовательские разработки сопоставимы, если не уступают расходам, которые несет бизнес на содержание политических партий, футбольных клубов, на взятки и пр.», пишут Дементьев и Вишневский [24, с. 5]. Так, годовой бюджета ФК «Шахтер» составляет 85 млн. долларов, ФК «Динамо» — 60 млн. долл., ФК «Днепр» — 58 млн. дол. [25, с. 32 — 33]. При этом основанными источниками формирования бюджетов клубов являются трансферы игроков и, прежде всего, спонсорство.

В самом общем смысле любое поведение экономического субъекта, максимизирующего свою полезность, является рентоориентированным, если под рентой понимать разницу между доходом владельца ресурса и альтернативной стоимостью последнего. Принципиальный вопрос заключается в том эффекте, который способ извлечения ренты оказывает на общество. Негативный смысл ренты, по Таллоку, заключается в «негативной общественной ценности». Ресурсы, которые могли бы принести общественную полезность, в случае их эффективного (продуктивного) использования, направляются на создание и поддержание теневых способов получения дохода. Таким образом, помимо перераспределения совокупного продукта в пользу субъектов, обладающих большей властью, общество несет прямые потери в виде тех ресурсов, которые расходуются на поддержание властных позиций, и вмененные издержки в виде экономического и социального эффекта, которые могло принести эффективное использование ресурсов.

Такое рассогласование индивидуальных и общественных интересов, как уже отмечалось, происходит из-за разбалансированности власти или из-за отсутствия общественно-необходимого порядка власти. Анализируя особенности экономического поведения в переходной экономике, В. Дементьев объясняет такой «сдвиг мотивации» в пользу неэффективного использования ресурсов «сдвигом издержек» в рентном и продуктивном поведении [8, с. 317]. Выбор того или иного способа получения дохода для владельца фактора производства связан с сопоставлением возможных выгод и затрат каждого из них или определением предельной доходности доступных вариантов

применения ресурсов. Этот универсальный механизм, определяющий поведение экономических агентов, является ключом к пониманию фактического непродуктивного использования имеющихся ресурсов в переходной экономике. «Сдвиг мотивации» происходит, поскольку отсутствие общественно-необходимого порядка власти приводит к завышению индивидуальных издержек эффективного поведения и занижению издержек поведения неэффективного.

Затраты эффективного поведения экономического агента оказываются завышенными прежде всего из-за отсутствия четко установленных правил игры в переходной экономике. Произвол со стороны государственных, хозяйствующих, криминальных субъектов порождает опасность утраты доходов и их источников (собственности, рабочего места, административной должности). Связанная с этим необходимость защиты собственных интересов «ненормальными» для рыночной экономики методами — содержание «крыши», подкуп чиновников, лоббирование. Кроме того, предпринимательская активность в таких условиях сопряжена с завышенными трансакционными издержками организации взаимодействия с государственными и другими экономическими субъектами. Помимо всего прочего, эффективная деятельность часто предполагает осуществление определенных длительных инвестиций (в образование и повышение квалификации, на освоение новых видов хозяйственной деятельности, в НИОКР, модернизацию производства), связанных с финансовыми, трудовыми и временными затратами.

С другой стороны, отсутствие и/или несовершенство нормативной базы, непрозрачность деятельности экономических и государственных агентов, неразвитость рыночных институтов, таких, как, например, фондовый рынок, процедура банкротства, эффективный антимонопольный орган, влекут за собой снижение издержек неэффективного поведения. Отсутствует действенный механизм согласования индивидуальных доходов собственников (администрации, персонала) предприятия с финансовыми результатами его деятельности. Неэффективное управление собственностью, в том числе государственной, остается безнаказанным. Так, например, НАЭК «Энергоатом», постоянно наращивая объемы производства, 2004 г. закончил с убытками 41 млн. грн. Среди основных причин такого результата — закупка ресурсов по завышенным ценам, авансовая оплата электротехнической продукции без тендера на 64,4 млн. грн., создание резерва сомнительных долгов на 2,1 млрд. грн. [26, с. 46].

Таким образом, история развития экономики независимой Украины насыщена примерами, подтверждающими первостепенное влияние фактора власти

на все сферы хозяйственной деятельности и, прежде всего, на распределение доходов. Занижение цен на ресурсы в ряде отраслей, манипулирование бухгалтерской отчетностью с целью ухода от налогообложения, коррупция и лоббирование (получение льгот и субсидий, законодательное снижение конкуренции), зарплата в конвертах, приватизация «на заказ», непрозрачные схемы ценообразования — все эти привычные для переходной экономики явления стали яркими примерами, раскрывающими механизм формирования доходов экономических агентов в зависимости от властных позиций каждого из них. Возможность избежать наказания за неэффективное использование ресурсов, несоблюдение контрактов, налогового, антимонопольного и т.п. законодательства позволили субъектам хозяйственной деятельности реализовать свои «рентные интересы» в виде рентоориентированного поведения. В переходной экономике Украины такое поведение стало доминирующим, что, в конечном итоге, стало причиной таких тенденций, как деградация производственного потенциала, поляризация общества и катастрофический уровень бедности, «утечка умов», срастание крупного бизнеса с политической властью, закрепление за Украиной статуса «сырьевого придатка».

Исходя из того влияния, которое рентоориентированное поведение оказывает на социально-экономическую ситуацию в стране, представляется необходимым создание механизма, исключающего возможность такого поведения. «Для «нормальной» экономики доходы экономического агента выступают вознаграждением ему за эффективное использование факторов производства», — пишет В. Деметьев [8, с. 318]. Значит для формирования такой «нормальной» экономики необходимо создать условия, при которых доход на фактор производства будет устанавливаться в соответствии с производительностью этого фактора, «поиск ренты» превратить в «поиск прибыли». То есть нужно максимально нивелировать влияние власти на распределение доходов. Эффективное распределение доходов (при котором доход определяется продуктивностью деятельности) возможно лишь при эффективном распределении власти (такой порядок, при котором соблюден баланс власти, то есть любая попытка неэффективного поведения будет иметь для субъекта соответствующие негативные последствия).

Литература

1. Пасхавер О.Й. Формування великого приватного капіталу в Україні / О. Й. Пасхавер, Л. Т. Верховодова, Л.З.Суплін / Центр економічного розвитку. — К. : Міленіум, 2004. — 90 с. 2. Холод Н.М. Розподіл доходів та бідність у перехідних економіках : моно-

- графія / Назар Холод. — Львів : Вид. центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2009. — 442 с. 3. **Длугопольський О.** Політична рента і корупція в державному секторі економіки: теоретико-методологічний та прикладний аспекти / О. Длугопольський // Вісник Тернопільськ. нац. екон. ун-ту. — 2007. — №2. — С. 46—56. 4. **Будкін В.** Постсоціалістична трансформація власності / В. Будкін // Економіка України. — 2007. — №2. — С. 39—44. 5. **Малий І.Й.** Інституціональні зміни системи розподілу економічних факторів у транзитивній економіці / І.Й. Малий // Економічна теорія. — 2004. — № 1. — С. 56—68. 6. **Волков В.** Політэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства / В. Волков // Вопросы экономики. — 1999. — № 10. — С. 44—59. 7. **Олейник А.** «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма / А. Олейник // Вопросы экономики. — 2001. — № 5. — С. 4—25. 8. **Дементьев В.В.** Экономика как система власти / В. В. Дементьев / ДонНТУ. — Донецк : Каштан, 2003. — 404 с. 9. **Скоробогатов А.С.** Неполнота контрактов, групповые интересы и поиск ренты: всегда ли стабильность способствует экономическому процветанию общества? / А. С. Скоробогатов // Постсоветский институционализм — 2006 : Власть и бизнес : монография / под ред. Р. М. Нуреева. — Ростов-н/Д : Наука-Пресс, 2006. — С. 207—228. 10. **Tullock G.** Rents and rent seeking / G. Tullock // The political economy of the educational process. Studies in public choice Vol. 2. Ed. by Gordon Tullock. — Boston, Kluwer Academic Publisher, — 1988. — P. 51—64. 11. **Buchanan J.M.** Towards a theory of the rent-seeking society / J. M. Buchanan., R. D. Tollison and G. Tullock. — Texas A&M University Press. — 1980. — 367 p. 12. **Носова О.В.** К вопросу о природе и эффективности ренты и рентоориентированного поведения как институтов развития: опыт стран Восточной Азии / О. В. Носова // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. — 2005. — Выпуск 89-2. — С. 90—96. 13. **Волощенко В.В.** Рентоориентированное поведение как норма в современной экономике Украины / В. В. Волощенко, Н. И. Литвиненко // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. — 2009. — Выпуск 37-1. — С. 98—102. 14. **Булеев И.П.** Рентные отношения в переходной экономике / И. П. Булеев, В. И. Коновалюк // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. — 2003. — Выпуск 68. — С. 37—40. 15. **Скоробогатов А. С.** Экстенсивный рост банковского сектора и упадок кредитной сферы в современной России [Электронный ресурс] // Семинар молодых экономистов. — 1998. — Выпуск 6 (март), С. 78—89. — Режим доступа к журналу: <http://ie.boom.ru/Scorobogotov/Bank.htm>. — Заголовок с экрана. 16. **Яковлев А. А.** Группы интересов и их влияние на процессы экономических реформ в России // Модернизация экономики России: социальный контекст : в 4 кн. / Ясин Е. Г. (ред.), Кн. 2-М. — М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ. — 2004. — С. 9—31. 17. **Крупный капитал в Украине: институциональная роль и взаимоотношения с властью и обществом.** Стратегическая записка [Электронный ресурс] / А. Пасхавер, Л. Верховодова, А. Агеева. — Центр экономического развития. — 2006. — Режим доступа: http://www.c-e-d.info/doc/a_dopovidi/WB_Otchet_FPG_2006_G.doc. — Заголовок с экрана. 18. **Интервью** А.Гриценко, экс-министра обороны, председателя парламентского комитета по вопросам национальной безопасности и обороны. (Портал «Новости Украины»). — Режим доступа : <http://newsme.com.ua/politics/183848/>. 19. **Краткая политэкономия медицинских госзакупок** [Электронный ресурс] / Марусов А., Николов Ю. // Зеркало недели. — 2009. — № 45 (773) 21. — Режим доступа к статье : <http://www.zn.ua/2000/2675/67799/>. 20. **Сталеплавильное** производство, флюсы и огнеупоры за 2008 год. Отчет ПХО «Металлургпром». 21. **Інвестиції та інноваційний розвиток** [Електронний ресурс]. Науково-практичний бюлетень. — 2009 — №2 (5). — Режим доступа : http://www.in.gov.ua/files/content/2_2009.pdf. 22. **Стратегія інноваційного розвитку в Україні на 2010-2020 роки в умовах глобалізаційних викликів: збірник** / М.В.Стріха, В.С.Шовкалюк, Т.В.Борович, та ін. — К. : Прок-Бізнес, 2009, — 40 с. 23. **Бубенко П.** Чому гальмуються інноваційні процеси в Україні? / П. Бубенко, В. Гусев // Економіка України. — 2009. — №6. — С. 30—38. 24. **Дементьев В.В.** Почему Украина не инновационная держава: институциональный анализ / В. В. Дементьев, В. П. Вишневский // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. — 2009. — Вып. 36-1. — С. 5—16. 25. **Самые богатые футбольные клубы Украины** // Фокус. — 2009. — № 41 (153). — С. 32—38. 26. **Зятковський І.В.** Вплив економічної влади на розвиток і становлення сучасних бізнес-структур / І. В. Зятковський // Актуальні проблеми економіки. — 2005. — №12 (54). — С. 41—47.

Антикуз В. М. Пошук ренти як головний мотив економічної діяльності в перехідній економіці

Період становлення ринкових відносин у більшості пострадянських країн характеризується незбалансованістю владних позицій економічних агентів. У результаті такого порушення балансу влади в системі відносин розподілу виникають глибокі диспропорції. Це виявилось у відсутності інституціональної забезпеченості механізму адекватного заохочення про-

дуктивної діяльності та покарання непродуктивної. У таких умовах головним мотивом поведінки економічних суб'єктів стає пошук ренти. У статті проаналізовані особливості рентоорієнтованої економіки України, виявлені її негативні наслідки.

Ключові слова: баланс влади, рента, рентоорієнтована поведінка, розподіл доходів.

Антыкуз В. М. Поиск ренты как главный мотив экономической деятельности в переходной экономике

Период становления рыночных отношений в большинстве постсоветских государств характеризуется несбалансированностью властных позиций экономических агентов. В результате такого нарушения баланса власти в системе отношений распределения возникают глубокие диспропорции. Это проявилось в отсутствии институциональной обеспеченности механизма адекватного поощрения продуктивной деятельности и наказания непродуктивной. В таких условиях главным мотивом поведения экономических субъектов становится поиск ренты. В статье

проанализированы особенности рентоориентированной экономики Украины, выявлены ее негативные последствия.

Ключевые слова: баланс власти, рента, рентоориентированное поведение, распределение доходов.

Antykuz V. M. Rent seeking as the main inducement of economic activities in transitive economy

The period of formation of market relations in most Post-Soviet countries is characterised by imbalance of economic agents' power positions. There are deep disproportions in income distribution system as a result of such imbalance. It was showed in absence of the institutional mechanism to encourage productive activity and punish the unproductive. In such conditions rent search becomes the main inducement of economic agents' behaviour. Features of rent-seeking economy of Ukraine are analysed and its negative consequences are revealed in the article.

Key words: power balance, rent, rent-seeking, income distribution.

Стаття надійшла до редакції 13.01.2010

Прийнято до друку 26.02.2010